This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG
3337
.P72.L4
1892

5800

18.207.4.38
J1 80 B-4/5

Изъ библіотеки
лейб-гвардіи Московскаго полка

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ЛЕПТА

ВЪ ПОЛЬЗУ НУЖДАЮЩИХСЯ

П-52
Polonskii, Ya. P.
П-52

ЛЕПТА

ВЪ ПОЛЬЗУ НУЖДАЮЩИХСЯ

НѢСКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНІЙ

Я. П. ПОЛОНСКАГО

7205
№ 9264
Инв. 1499

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1892

PG3337
P72L4
1892

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 марта 1892 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер. д., 13

РАННІЕ ГОДЫ.

Юношескія стихотворенія 1839 — 1843 гг. [1]).

СЕРДЦЕ [2]).

У сердца сокровищъ такъ много!
Какъ въ море, въ открытую грудь
Они такъ обильно отъ Бога
Живыми струями текутъ.

И жаждетъ душа подѣлиться
Въ избыткѣ съ другою душой,
И сердцу влюбленному биться
Привольно въ груди молодой.

---

[1]) Не вошедшія ни въ одно изъ петербургскихъ изданій, а также и въ Полное Собраніе моихъ сочиненій.

[2]) Напечатано въ студенческомъ сборникѣ «Подземные ключи» 1842 г., стр. 13. Въ изданіи А. Ф. Маркса, Полн. Собр. соч. Лермонтова, 1891 г., оно приписано Лермонтову. Томъ I, стр. 281—282.

Но—что?—Говорятъ, неизбѣжно
Придетъ, злое время придетъ,
И все, что люблю я такъ нѣжно,
Какъ призракъ вдали пропадетъ,

И будто въ груди благородной
Изсякнутъ живыя струи,
И сердцу разсудокъ холодный
Предпишетъ законы свои.

И сердца богатства я взвѣшу,
На рынокъ пойду ихъ мѣнять!
Кого же я этимъ утѣшу?
Что будетъ меня утѣшать?

Увы! говорятъ, неизбѣжно
Придетъ, злое время придетъ,
И все, что люблю я такъ нѣжно,
Какъ призракъ вдали пропадетъ.

1839.

УПРЕКЪ.

Когда-бъ я зналъ, какое ремесло
Ты выбрала и что глухой порою
Тебя въ мои объятья привело,
Когда-бъ я зналъ!.. повѣрь, передъ тобою
Я-бъ никогда колѣнъ не преклонялъ,
Я-бъ не высказывалъ себя такъ много,
Въ свидѣтели не призывалъ бы Бога
И бѣлыхъ рукъ твоихъ бы не лобзалъ!
Твой поцѣлуй, и пламенный, и влажный,
Моей души тогда бы не смутилъ;
Дешевле бы... дешевле я купилъ
Бряцаньемъ золота иль наглостью отважной
И эту ночь, и твой восторгъ продажный!
Не говори мнѣ о любви, не говори!—
Отъ словъ твоихъ я для любви хладѣю;
Съ безстыднаго лица слѣды румянъ сотри,
Я за тебя... и за себя краснѣю.

ЖНИЦЫ.

Пой, пой, свирѣль!.. Погасъ послѣднiй лучъ денницы...
Вонъ, въ сумракѣ долинъ, идутъ толпами жницы,
На мѣсяцѣ блестятъ и серпъ ихъ и коса;
Пыль мягкая чуть-чуть дымится подъ ногами,
Корзины ихъ шумятъ тяжелыми снопами,
Далеко звонкiе ихъ слышны голоса...
Идутъ... прошли... чуть слышно ихъ... Богъ съ ними!
Я жду ея одну съ привѣтомъ на устахъ,
Въ вѣнкѣ изъ полевыхъ цвѣтовъ, съ серпомъ въ рукахъ,
Обремененную плодами золотыми...
Пой, пой, свирѣль!..

ДІАМЕЯ.

О, скажи мнѣ одно только, кѣмъ изъ боговъ
Ты была создана?.. Кто провелъ эту бровь?
Кто зажегъ этотъ взглядъ?—Кто далъ волю кудрямъ
Такъ роскошно змѣиться по бѣлымъ плечамъ!
О скажи, Діамея, тебѣ ли самой
Иль тому божеству, что гордится тобой,
Какъ созданьемъ, я долженъ изъ мрамора храмъ
Вознести на холмѣ и возжечь ѳиміамъ?!.

. . . . . .

Въ гостиной сидѣлъ за раскрытымъ столомъ мой отецъ,
Нахмуривши брови, сурово, хранилъ онъ молчанье;
Старуха, надѣвъ какъ-то на бокъ нескладный чепецъ,
Гадала на картахъ; онъ слушалъ ея бормотанье...
Немного подальше, тайкомъ говоря межъ собой,
Двѣ гордыя тетки на пышномъ диванѣ сидѣли,
Двѣ гордыя тетки глазами слѣдили за мной
И, губы кусая, съ насмѣшкой въ лицо мнѣ глядѣли;
А въ темномъ углу, опустя голубые глаза,
Не смѣя поднять ихъ, недвижно сидѣла блондинка:
На блѣдныхъ ланитахъ ея трепетала слеза,—
На жаркой груди высоко поднималась косынка...

ВСТРѢЧА.

Вчера мы встрѣтились; она остановилась,
Я также... Мы въ глаза другъ другу посмотрѣли...
О Боже! какъ она съ тѣхъ поръ перемѣнилась,
Въ глазахъ потухъ огонь и щеки поблѣднѣли...
И долго на нее глядѣлъ я молча строго...
Мнѣ руку протянувъ, бѣдняжка улыбнулась;
Я говорить хотѣлъ;—она же, ради Бога,
Велѣла мнѣ молчать, и тутъ же отвернулась,
И брови сдвинула, и выдернула руку,
И молвила: прощайте, до свиданья!
А я хотѣлъ сказать: на вѣчную разлуку
Прощай, погибшее, но милое созданье...

ДУХЪ СМЕРТИ.

Духъ смерти надъ моремъ незримо леталъ,
И, полный великой печали,
Онъ громко на вѣчнаго Бога ропталъ,
Ему же въ природѣ никто не внималъ,—
Слова его вдаль безъ отзыва звучали:

«Творецъ! знойной грудью надъ моремъ дышалъ я,
Все море до дна я хотѣлъ изсушить:
Къ нему припадалъ и его выпивалъ я,
Чтобъ вѣчную жажду мою утолить.
Надъ моремъ носился я бурей жестокой,
И въ брызги дробилъ я волну за волной,
Бросая ихъ злобно на берегъ высокій,
Чтобъ всѣ ихъ разбить—всѣ разбить до одной.
И что-жъ? О, Творецъ! Въ лучезарномъ просторѣ
Все также бездонно своей глубиной,
Все также шумитъ безконечное море
И также подъемлетъ волну за волной.

ДОРОГА.

Глухая степь—дорога далека,
Вокругъ меня волнуетъ вѣтеръ поле,
Вдали туманъ—мнѣ грустно поневолѣ,
И тайная беретъ меня тоска.

Какъ кони ни бѣгутъ, мнѣ кажется, лѣниво
Они бѣгутъ. Въ глазахъ одно и то-жъ
Все степь, да степь, за нивой снова нива...
—Зачѣмъ, ямщикъ, ты пѣсни не поешь?..

И мнѣ въ отвѣтъ ямщикъ мой бородатый:
—«Про черный день мы пѣсню бережемъ».
—Чему-жъ ты радъ?—«Не далеко до хаты—
Знакомый шестъ мелькаетъ за бугромъ».

И вижу я на встрѣчу деревушка;
Соломой крытъ стоитъ крестьянскій дворъ,
Стоятъ скирды.—Знакомая лачужка!
Жива-ль *она?* Здорова ли съ тѣхъ поръ?..

Ушла!.. Куда ушла?!.
Долга моя дорога,—
Сырая ночь,—ни хаты, ни огня...
Ямщикъ поетъ... Въ душѣ опять тревога...
Про черный день нѣтъ пѣсни у меня.

1842.

ПОЗДНІЕ ГОДЫ.

Стихотворенія съ 1 ноября 1890 по февраль 1892 г.

---

* * *

Сколько именъ, дорогихъ мнѣ когда-то именъ,
Словно въ чаду мной на вѣкъ забываемыхъ!..
Сколько глубокихъ, шутя нанесенныхъ мнѣ ранъ,
За недосугомъ едва вспоминаемыхъ!..
Сколько влюбленныхъ дѣвицъ и кокетливыхъ дамъ
Съ огненнымъ взоромъ и блѣдными лицами,
Нѣкогда жадно внимавшихъ безумнымъ рѣчамъ,
Стали тѣнями—почти небылицами!..
Видно, надъ сердцемъ моимъ протекло много лѣтъ,
Долгою жизнью процѣженныхъ!—Диво ли,
Что засорили они мою память, и нѣтъ
Вѣсти о многихъ: здоровы ли? живы ли?..
Точно въ туманъ отъ меня всѣ они отошли!
Или холоднаго вѣка теченія
Въ разныя стороны насъ, какъ потопъ, разнесли
И ужъ прикрыли насъ пѣной забвенія?!.

НА ПУТИ.

Хмурая застигла ночь,
На пути—бурьянъ...
Дышетъ холодомъ съ рѣки,
Каплетъ сквозь туманъ.
Но, какъ будто, тамъ, вдали,
Изъ-подъ этихъ тучъ,
За рѣкою—огонька
Вздрагиваетъ лучъ...
И, какъ будто, гдѣ-то тамъ
Голоса въ кустахъ...
Пѣсня это или звонъ
У меня въ ушахъ?
Въ рѣку брошусь я,—въ кусты
Брошусь сквозь туманъ...—
Впереди тепло и свѣтъ,
На пути—бурьянъ...

1890.

* * *

По торжищамъ влача тяжелый крестъ поэта,
У дикарей пощады не проси,
Молчи и не зови ихъ въ скинію завѣта,
И съ ними жертвъ не приноси.

Будь правды жаждущихъ невольнымъ отголоскомъ,
Разнузданныхъ страстей не прославляй,
И модной мишуры за золото подъ лоскомъ
Блестящихъ рифмъ не выдавай.

И если чернь слѣпа, не жаждетъ и не проситъ,
И если свѣтъ, къ злу равнодушный свѣтъ,
Надменно, какъ трофей, свои оковы носитъ,
Знай, что для нихъ поэта нѣтъ...

7205

7205

ВДОВА.

Ужъ не ты ли знакомъ
Съ чернобровой вдовой,
Что живетъ, безъ родни,..
За Москвою рѣкой?..

Что на утреннiй звонъ,
Въ темь и холодъ весь постъ
Ходитъ слёзы ронять
На церковный помостъ.

Страшно ей, говорятъ,
Въ образницѣ своей;
Гдѣ же ей замолить
Чары грѣшныхъ ночей?..

Погляди, за толпой
Не она ли видна,
Вся въ кадильномъ дыму,
У сырого окна?..

Бродитъ утренній свѣтъ—
Тускло свѣтитъ свѣча;
Но въ кромѣшной ночи
Ея глазъ—ни луча...

Много думъ, гордыхъ думъ
Въ ихъ застынувшей мглѣ;
Но смиренья печать
На лилейномъ челѣ...

Говорятъ, ея мужъ,
Хоть и скряга онъ былъ,
Въ шелкъ ее наряжалъ,
Бриллiанты дарилъ.

Да надняхъ, говорятъ,
На своемъ сундукѣ
Умеръ, стиснувъ ключи
Въ посинѣлой рукѣ.—

Отъ чего умеръ?—глухъ
Былъ обычный вопросъ:
И въ могилу его
Проводили безъ слезъ.

Но покойника духъ,
Видно, самъ надъ собой
Въ эту ночь простоналъ
За Москвою рѣкой.

Его буря несла,
Онъ мятелицу несъ—
И недаромъ завылъ
На цѣпи его песъ.

Тѣнь хозяина шла,
Къ дому шла яко дымъ,
А хозяйка его
Обнималась съ другимъ...

Съ жемчугомъ на груди,
И съ кольцомъ на рукѣ,
Цѣловалась она
На пустомъ сундукѣ.

Не спасли его вкладъ
Ни печать, ни зарокъ,
Для кого-жъ потайной
Отомкнулся замокъ?

Отъ чего вѣщій страхъ,
Словно жало змѣи,
Присосался къ ея
Беззащитной любви...

Вдругъ тревожнѣе сталъ
Молодой голосокъ,
Засверкалъ на рукѣ
Бриллiантъ-огонекъ...

Она пряди волосъ
Оправлять начала...
Въ двери мертвая тѣнь
Незамѣтно вошла.

И съ тоской на душѣ,
Съ страшно-блѣднымъ лицомъ,
Молодая вдова
Оглянулась кругомъ...

Мутно стало въ очахъ,
Сжалъ ей сердце недугъ,
И шепнула она:
«Уходи, милый другъ!

«Ужъ къ заутрени звонъ
«Прозвонилъ... Ужъ потухъ
«Лунный свѣтъ... на дворѣ
«Загорланилъ пѣтухъ...

«Уходи, милый мой!
«Эти звуки кричатъ,
«Что покойный мой мужъ
«Принялъ медленный ядъ.

«Отчего я дрожу,
«Точно совѣсть моя
«Не чиста?.. Уходи,
«Я не выдамъ тебя...

«Иногда слышу я
«Надъ собой адскій смѣхъ...
«Кто мнѣ душу спасетъ—
«Кто отмолитъ мой грѣхъ?!.»

Съ этой скорбной душой,
Съ этой милой вдовой
Ужъ не ты ли знакомъ?..
Не блѣднѣй, милый мой!

1890.

ТѢНИ И СНЫ.

Я свѣчи загасилъ, и сразу тѣни ночи,
Нахлынувъ, темною толпой ко мнѣ влетѣли;
Я сталъ ловить сквозь сонъ ихъ призрачныя очи
И увидалъ ихъ тьму вокругъ моей постели.

Таинственно онѣ мигали и шептались:
«Вотъ онъ сейчасъ заснетъ, сейчасъ угомонится...
Давно-ль мы страшнымъ сномъ счастливца любовались,
Авось, веселый сонъ несчастному приснится.

«Глядите, какъ при насъ, во снѣ, онъ свѣжъ и молодъ!
Какъ можетъ онъ, любя, и трепетать, и вѣрить!..
А завтра вновь сожметъ его житейскій холодъ,
И снова будетъ онъ хандрить и лицемѣрить...

«И снова бѣлый день, съ утра, своимъ возвратомъ,
Раскроетъ бездну золъ, вражды, потерь и горя,
Разбудитъ богача, измятаго развратомъ,
И нищаго, что пьетъ, изъ-за копѣйки споря...

«А мы умчимся въ ночь, обвѣянныя снами
И грезами живыхъ и мертвыхъ поколѣній;
И счастья призраки умчатся вмѣстѣ съ нами—
Поблеклые цвѣты весеннихъ вожделѣній»...

Полуночныхъ тѣней уловленныя рѣчи
Встревожили мой сонъ и подняли съ постели;
Я руку протянулъ и вновь зажегъ я свѣчи;
И тѣни отъ меня ушли въ углы и щели,

И къ окнамъ хлынули, и на порогѣ стали—
Я видѣлъ, при огнѣ, ихъ чуть замѣтный трепетъ,
Но то, что я писалъ, онѣ ужъ не видали,
А я записывалъ таинственный ихъ лепетъ.

1891. Февраль 20.

Когда въ нашъ темный садъ вошла ты привидѣньемъ,
Блѣдна, взволнована, и жалобой звучалъ
Твой голосъ трепетный,—съ невольнымъ сокрушеньемъ
Внималъ я твоему признанью, трепеталъ
За молодость, за честь, за рокъ, тебѣ грозящій:
Я вѣрилъ искренно душѣ твоей скорбящей.

Теперь, когда, въ цвѣтахъ, съ протянутой рукой
Стоишь ты свѣтлая, какъ свѣтлый призракъ мая,
И улыбаешься, и смотришь, выжидая...
И взоръ твой свѣтится лукавою мечтой,
Прости, не вѣрю я душѣ твоей—не вѣрю,—
Хочу сказать,—молчу, смѣюсь и—лицемѣрю...

ГИТАНА.

De la dulce mi enemiga
Nace un mal que al alma hiere...
(исп. пѣсня).

Вотъ, Гитана идетъ по базару,
И несетъ за плечомъ,—за плечомъ,
Позолоченнымъ солнца лучомъ,
На малиновой лентѣ гитару:
На гитарѣ струна порвалась;
На груди, какъ змѣя, черный локонъ колышется;
На ходу тяжело ей, красавицѣ, дышется—
Чу!.. разносится звонъ... день погасъ...

Кто въ Севильѣ не знаетъ Гитаны,
Съ влажнымъ блескомъ ея черныхъ глазъ!
Кто не слышалъ ее въ поздній часъ,
Когда блещутъ огни и фонтаны?
Въ тѣ далекіе дни, алтари
Воздвигались любви:—каждый юноша, каждая
Молодая невѣста, взаимности жаждая,
Не должны были спать до зари.

Чаще были ночныя свиданья,
Было больше таинственныхъ чаръ,
Звонче былъ по ночамъ гулъ гитаръ,
Слаще шопотъ... Въ лампадномъ сіяньи
Полнолунья, душистыхъ кудрей
Пряди длинныя ниже, все ниже склонялися...
И капризныя цѣпи любви провѣрялися
Прежде, чѣмъ ихъ спаялъ Гименей.

Лишь Гитана могла бы едва ли
Звать счастливца къ балкону въ свой домъ,—
Домъ ея былъ почти шалашомъ
За оградой, гдѣ гряды копали,
Да тянулись веревки съ бѣльемъ...
Но она веселѣе была и безпечнѣе
Городскихъ щеголихъ и, быть можетъ, сердечнѣе:
Голосокъ ея былъ съ огонькомъ...

Она знала, что тамъ, подъ листвою,
Гдѣ въ прохладѣ, съ закатомъ зари,
У бассейна горятъ фонари,
Гдѣ цвѣты дышатъ вѣчной весною,
Гдѣ лохмотьямъ и сѣрымъ плащамъ
Не мѣшаетъ и грандъ своей пышной одеждою,—
Безъ Гитаны съ гитарой—одною надеждою
Меньше свѣтитъ наивнымъ сердцамъ.

Отчего же съ обычной эстрады
Не слыхать ее? Или больна?
Или замужемъ? Или она
Влюблена и не ищетъ услады

Въ фиміамѣ горячихъ похвалъ?—
Вдругъ прошелъ странный слухъ, далеко не таинственный:
У Гитаны—любовникъ,—Донъ-Педро, единственный,
Кому бѣсъ богатѣть помогалъ...

Помогалъ и въ любви... Были слухи,
Что, въ дорогѣ, ребенкомъ, онъ былъ
Взятъ бандитами въ плѣнъ; полюбилъ
Удаль ихъ, воспитался въ ихъ духѣ,
Съ ихъ согласья въ Севилью сбѣжалъ,
Завладѣлъ, по наслѣдству отъ дяди, палатами,
И нерѣдко, отъ банды снабженный дукатами,
Втайнѣ ей помогалъ и спасалъ...

Такъ о немъ толковали въ народѣ;
Но—красавецъ, богачъ, фантазеръ,
Женскихъ, пылкихъ сердецъ милый воръ,
Онъ, на зло молодежи, былъ въ модѣ
У вдовицъ—у большихъ мастерицъ
Прикрывать ложью то, что зовутъ въ свѣтѣ тайною,
А Донъ-Педро, владѣя удачей случайною,
Не щадилъ ни знакомства, ни лицъ...

Что-то дѣвственное и вакхальное,
То мгновенныя вспышки зарницъ
Изъ-подъ длинныхъ какъ стрѣлы рѣсницъ,
То порывъ, то улыбка печальная,—
Все, что было отъ грубыхъ страстей
Далеко, какъ отъ хрипа воздушное пѣніе,
Все, что было въ Гитанѣ и блескъ, и затмѣніе,
Не давало ему спать ночей...

И, конечно, Донъ-Педро влюбился,
Какъ влюблялись сатиры, когда
Имъ на свѣтѣ была череда
Ликовать (врядъ ли свѣтъ измѣнился!)...
Онъ добился свиданія съ ней
И увлекъ ее... (домъ ея не былъ съ перилами),
И нарушилъ соблазнъ чародѣйными силами
Тишину ея свѣтлыхъ ночей.

Разлюбивъ, говорилъ онъ Гитанѣ:
—Безъ ума я отъ женщинъ: грѣшно
Ихъ щадить, клятвамъ вѣрить—смѣшно!—
Кобылица и та на арканѣ
Рвется въ степь; какъ ее ни ласкай,
Не желаетъ она, и за кормъ, быть послушною
Злой уздѣ: такъ и ты не кажись простодушною
И притворно цѣпей не желай...

И Гитана во гнѣвѣ не стала
Упрекать его... Цѣпь порвалась...
О! пусть думаютъ, что продалась...
Все равно,—обаянье пропало...
Красота ея стала цвѣткомъ,
Ради прихоти сорваннымъ или подкошеннымъ,
И, увы! добавляла молва, скоро брошеннымъ...
Значитъ, ей и позоръ нипочемъ...

Долго, долго Гитана блуждала,
Какъ въ чаду,—наконецъ поняла,
Что одна ея слава—прошла,
Что—приходитъ другая... И стало
Ей и страшно, и больно отъ ранъ,

Наносимыхъ ей въ сердце:—никто соблазнителя
Не винилъ,—честь ея не нашла себѣ мстителя,—
Значитъ, былъ обоюдный обманъ...

Такъ зачѣмъ же, голодная, злая,
Загорѣлая,—словно несетъ
Ее буря, Гитана идетъ
На эстраду, впередъ сознавая,
Что она никому не нужна!
Но Гитану зовутъ и—Гитана рѣшается...
А струна, по струнамъ задѣвая, мотается...
И ей чудится,—шепчетъ струна:

«У тебя,—она шепчетъ,—ни брата,
Ни отца нѣтъ... и вся-то семья,
Все богатство—гитара твоя,
Да теперь—рукоятка булата...
О, Донъ-Педро! уже никому
Льстить не будетъ онъ, ночью гуляя съ синьорами,—
По утрамъ провожать ихъ влюбленными взорами,
Чтобъ онѣ улыбались ему.

«Думалъ онъ, ты уйдешь и забудешь
Его клятвы, какъ онъ ихъ забылъ;
Онъ тебя никогда не любилъ;
А ты будешь любить—вѣчно будешь!..»
И вотъ, чудится ей, со струной
Говоритъ она: «Это во снѣ мнѣ приснилося,
И не знаю сама я, какъ это случилося...
Матерь Божія!—Ножъ былъ со мной...»

Она бредитъ, а все-жъ за безчестье
Нанесла она страшный ударъ,
Тотъ ударъ, что дворцы и базаръ
Называютъ кровавою местью.
На пиру былъ Донъ-Педро,—домой
Шелъ, посвистывая; на пути, ночью хмурою
Не узналъ онъ Гитаны и назвалъ Лаурою,—
Но, едва сжалъ ей локоть рукой,

Отшатнувшись, очнулась Гитана
И вонзила въ него лезвіе...
Онъ безъ крика взглянулъ на нее
Страшнымъ взглядомъ—и грохнулся; рана
Стала кровью пятнать мраморъ плитъ...
Постоявъ, завернулась Гитана въ мантилію
И ушла... а по утру цирюльни Сивилію
Извѣстили: Донъ-Педро—убитъ!..

Вотъ и новая ночь: отворяютъ
Въ окнахъ ставни; изъ оконъ несетъ
Ароматами,—скоро блеснетъ
Серпъ луны; по аллеямъ блуждаютъ
Чьи-то тѣни... Чу! кто-то свиститъ...
Шумъ шаговъ, голоса ей, встревоженной, слышатся...
Пряди косъ, словно львиная грива, колышатся,—
За плечами гитара дрожитъ.

Вотъ, пришла и встряхнула кудрями;
Вотъ эстрада—Гитана идетъ...
Что-за чудо!.. Толпа вся встаетъ,
И ее осыпаютъ цвѣтами,

Рукоплещутъ... восторженный вой
Голосовъ... И стоитъ она, блѣдная, щупая,
Всѣ ли струны?!—Ужели толпа эта глупая
Поняла, кѣмъ убитъ милый мой?!

1891.

ЗАМѢТКА.

Влюбленному понять мечты свои нельзя:
Такъ, на конькахъ стремительно скользя
По ледяной горѣ, воздѣланной искусствомъ,
Веселье, бодрость, страхъ и чувство быстроты
Никто не назоветъ опредѣленнымъ чувствомъ.
Попробуй выразить, о чемъ мечтаешь ты
Въ объятіяхъ тобой любимой красоты:
О ней мечтать нельзя—она ужъ не мадонна...
Не идеалъ... И вотъ, то дѣвственное лоно,
Которымъ жаждалъ ты такъ страстно обладать,
И услаждаетъ, и томитъ, и, нѣжа, мучитъ,—
Любить и размышлять и ненавидѣть учитъ.

РОЗА И КОРНИ.

РОЗА.

Въ ночь я сладко грежу, луннымъ
Озаренная сіяньемъ;
Днемъ, съ утра, навстрѣчу солнца
Я дышу благоуханьемъ...

КОРНИ.

Мать-земля у самой груди
Кормитъ насъ, надъ нами плачетъ,
Съ нами сохнетъ и отъ свѣта,
Какъ родныхъ дѣтей насъ прячетъ...

РОЗА.

Рада я пѣвцамъ пернатымъ,
Рада въ зной пчелы жужжанью,
И въ полуденной истомѣ
Легкихъ бабочекъ порханью...

КОРНИ.

Вверхъ куда-то наши соки
Тянутъ темныя влеченья...
И мы чуемъ, какъ бы свыше
Сферъ воздушныхъ дуновенья.

РОЗА.

Ненавижу я примѣты
Желтой осени... Съ закатомъ
Лѣта свяну я и—грезы
Улетятъ съ ихъ ароматомъ...

КОРНИ.

Червь насъ точитъ—кто-то гложетъ,
Но пошли намъ Богъ питанья!..
И зимой мы наши силы
Сбережемъ безъ увяданья...

Мартъ 1891 г.

ДНИ ИЗМѢНЧИВЫ.

Въ полуразсвѣтѣ отроческихъ лѣтъ
Стихи мои дѣвицъ, конечно, не плѣняли...
Не школьникъ влюбчивый—имъ нуженъ былъ предметъ,
И мнѣ онѣ своихъ альбомовъ не казали.
Мой жадный умъ былъ полнъ любовной чепухи—
И сердце жаждало утѣшиться ихъ лаской...
Но бѣдный мальчуганъ, негодный въ женихи,
Въ романѣ жизни ихъ не могъ служить завязкой.
Краснѣть, блѣднѣть, вздыхать ихъ заставлялъ не я...
Недаромъ, при гостяхъ, какъ малое дитя,
Красавицы меня почти не замѣчали—
Но дни измѣнчивы...
Онѣ ужъ ȳвядали,
А я еще мужалъ—и двадцати трехъ лѣтъ
Какъ гордый юноша и вѣтряный поэтъ,
Излюбленныхъ идей разсвѣта ожидая,
Я сердцемъ пламенѣлъ, уже не замѣчая
Ихъ лицъ, потускнувшихъ отъ вѣянья нѣмыхъ
Страданій въ дни измѣнъ, заботъ или тревоги;
И если я встрѣчалъ кого нибудь изъ нихъ

У старыхъ кумушекъ, въ собраньяхъ, иль въ дорогѣ,
То равнодушно къ нимъ съ улыбкой подходилъ,
Напоминалъ имъ о себѣ,—смѣялся
Надъ ихъ альбомами, о томъ же, какъ я нылъ
И плакалъ по ночамъ и глупо ихъ любилъ,—
Ни слова...
Только разъ случайно проболтался
Передъ сосѣдкою, которой красота
Еще была свѣжа—(хоть далекò не та,
Что прежде); но она, смѣясь, мнѣ возразила:
— Какія глупости! Возможно ли долбить
Изъ Катихизиса уроки и—любить!!..

ЗАГАДКА.

Она родится, какъ любовь,
Сердца плѣняетъ негодуя;
Но, какъ любовь, волнуя кровь,
Не ждетъ ни ласкъ, ни поцѣлуя.
Отъ молодыхъ ея рѣчей
Не разъ лились святыя слезы.
Она—поэзія; но къ ней
И подойти нельзя безъ прозы.
Ей ненавистенъ произволъ,
И тотъ, кто къ ней спѣшитъ за славой,
Бываетъ на нее же золъ
И безпощаденъ въ часъ кровавый;
Хоть нѣтъ ей мѣста на войнѣ,
Къ побѣдѣ ключъ у ней, конечно.
Народная въ любой странѣ,
Она-жъ и общечеловѣчна...
Кто съ ней хоть издали знакомъ,
Того пугаетъ участь міра,
Что нынѣ сталъ слѣпымъ рабомъ
Позолоченнаго кумира.

ПОСЛѢ ЧТЕНІЯ КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ И ПОСЛѢСЛОВІЯ.

Не та любовь, что поучаетъ,
Иль безнадежно изнываетъ
И пѣсни жалкія поетъ,
Не та, что юность растлѣваетъ
Или ревниво вопіетъ,
А та любовь, что жертвъ не проситъ,
Страдаетъ безъ обидныхъ слезъ,
И, полная наивныхъ грезъ,
Не безъ улыбки цѣпи носитъ,
Непобѣдима и вѣчна,
Внѣдряя жизни сѣмена
Вездѣ, гдѣ смерть идетъ и коситъ...

Свидѣтель всѣхъ ея скорбей,
Наслѣдникъ всѣхъ ея преданій,
Ея забывчивыхъ страстей
И позднихъ разочарованій,
Угомонивъ съ лѣтами кровь,
Въ виду уликъ неоспоримыхъ,
Не на скамью ли подсудимыхъ

Влечешь ты брачную любовь?
За что-жъ?.. За то ли, что когда-то
Она, повѣрившая свято
Въ свое призванье жить семьей,
Не дрогнула съ чужой судьбой,
Быть можетъ тяжкой и безславной,
Связать свободный, своенравный,
Знакомый съ дѣтства жребій свой,—
Не струсила свѣчи вѣнчальной,
И, не смотря на суету
И дрязги жизни, красоту
Вообразила идеальной;
За то-ль, что въ этой красотѣ
Безъ маски и безъ покрывала
Неузнаемъ мы идеала,
Доступнаго одной мечтѣ.

Карай наперсниковъ разврата,
Съ холодной ревностью въ крови,
Разсчетъ, не знающій любви
И добивающійся злàта,
Карай ханжу, что корчитъ брата
И хочетъ жить съ своей женой
Какъ съ незаконною сестрой...

. . . . . .

Къ чему соблазнъ?—Къ чему игра
Въ фальшивый бракъ!—Вѣдь мы не дѣти,
Боящіяся сатаны,
Который разставляетъ сѣти
Намъ въ ласкахъ собственной жены...

Скажи, поэтъ, молвой любимый,
Скажи, пророкъ неумолимый,
Ужели мы себя спасемъ
Тѣмъ, что въ борьбѣ съ собой убьемъ
Грядущихъ поколѣній сѣмя,
Иль тѣмъ, что, въ вѣчность погрузясь,
Въ бездушной тьмѣ утратимъ время,
И то забудемъ, что, кичась
Своимъ отчаяньемъ, въ смиреньи
И сокрушеніи сердецъ,
Мы исказили планъ творенья,
И разрѣшили всѣ сомнѣнья
Тѣмъ, что нашли себѣ конецъ.

Бредъ истины—духъ разумѣнья!
Ты въ даль и въ глубь меня влечешь;
Въ ничтожествѣ ли ты найдешь
Свое конечное спасенье?!
Божественность небытія
И безсознательная воля!
На васъ ли промѣняю я
Распутниковъ и нищихъ? доля
Ихъ низменна... ихъ грязенъ путь—
И все-жъ они хоть что нибудь,
Въ нихъ свѣтитъ искорка сознанья,
А вы—вы призракъ, вы ничто...

———

ХУТОРКИ.

(Русская идиллія).

Тамъ, въ желтѣющемъ просторѣ
Колыхающихся нивъ,
Гдѣ въ саду румяной сливы
Золотой сквозитъ наливъ;

Тамъ, гдѣ вдоль холмистой балки
Сохнетъ русло ручейка,
Никнутъ, крытые соломой,
Два сосѣднихъ хуторка.

Оба въ зной степного лѣта
Отъ ключей недалеки,
Оба день и ночь другъ друга
Наблюдаютъ хуторки.

Знаютъ все, что у сосѣда
Въ огородѣ зацвѣло,
Почему оторванъ ставень
Или выбито стекло...

Почему съ утра такъ рано
Потянуло кизякомъ?
Пахнетъ лукомъ, пахнетъ медомъ
Или сдобнымъ пирогомъ?

— Куманекъ!.. У васъ съ крылечка
Черный котъ изъ-за бадьи
Жадно смотритъ, какъ у клѣти
Копошатся воробьи...

— А у васъ сегодня воронъ
Хрипло каркалъ на трубѣ,—
Все-ль у васъ благополучно?
Всѣ ли здравствуютъ въ избѣ?

— Ничего... Жену спровадилъ
Нашъ хозяинъ, говорятъ,
Далеко послалъ за Волгу
Навѣстить своихъ ребятъ.

— Не бѣда... Коцапъ онъ ражій;
Вонъ онъ вышелъ на крыльцо,
Подбоченился, понурилъ
Загорѣлое лицо.

— А у васъ хозяйки внучка
За цвѣтами въ огородъ
Побѣжала и, босая,
Сѣла—пѣсенку поетъ...

*

Завтра бабушка лампадку
Передъ образомъ зажжетъ,
А она цвѣты да ленты
Въ косу черную вплететъ...

— Вонъ, коцапъ пошелъ къ арбузамъ
На зеленую бакчу,
Поднялъ дыню и—глазами
Провожаетъ саранчу.

Ишь несется! нѣтъ конца ей...
Помутила небеса;
Но не сѣла къ намъ, не съѣла
Ни пшеницы, ни овса...

— Значитъ, все благополучно?
— Слава Богу, куманекъ!..
Такъ они ведутъ бесѣду
Съ бугорка на бугорокъ...

Но проходитъ лѣто—къ югу
За дождемъ летятъ грачи;
Опустѣли огороды,
Обезлюдѣли бакчи...

Воротилась ли къ коцапу
Безпокойная жена?
Не видать... Денекъ былъ сѣрый,
Ночь дождлива и бурна.

Сквозь заплаканныя окна
Тускло свѣтятъ огоньки...
И взъерошенные бурей
Пріуныли хуторки...

Да и на сердцѣ неладно...
Что-то втайнѣ ихъ мутитъ,
Недовольны чѣмъ-то—каждый
Подозрительно молчитъ.

Вотъ глядитъ одинъ и видитъ
Ночью красное пятно...
Приглядѣлся—у коцапа
Занавѣшено окно.

Лѣто цѣлое ни разу
Не подумалъ онъ о томъ,
Чтобъ къ окну приладить ставень
Иль заткнуть стекло тряпьемъ.

Такъ зачѣмъ же занавѣска?
Аль коцапъ, хоть и женатъ,
Позабылъ семью и Бога
И боится—подглядятъ.

Вотъ другой глаза таращитъ,
(Онъ, старикъ, дремалъ весь день)
И въ потемкахъ видитъ, кто-то
Перелѣзъ черезъ плетень.

И за грядами, гдѣ бурый
Хмѣль оборванъ и повисъ,
У скамьи сошлись двѣ тѣни
И любовно обнялись...

Хуторокъ не скоро понялъ...
— Что за чортъ!.. Одни!.. впотьмахъ!..
Подошли—скрипитъ ступенька...
Спичка чиркнула въ сѣняхъ...

Эге-ге! Дивчину вашу
Не сберегъ и домовой...
Вотъ каковъ нашъ астраханецъ!
И добро бы холостой!

— Ахъ, грѣхи, грѣхи! И утромъ
Проболтался хуторокъ...
Ахнувъ, бросила старушка
Недовязанный чулокъ.

Видитъ—внучка въ новыхъ бусахъ,
И съ нечесаной косой...
— Ахъ, такая ты, сякая!
Что ты сдѣлала съ собой!..

Внучка вспыхнула, бормочетъ:
—«Я ли первая грѣшна!..»
— То-то будетъ адъ кромѣшный,
Какъ воротится жена!..

Хуторки видали виды,
Знаютъ, правдой дорожа,
Что такой любви съ похмѣлья
Недалеко до ножа.

И глядятъ уже сердито
Другъ на друга хуторки,
Старикамъ такія шашни,
Очевидно, не съ руки...

Иногда, на зло имъ, ночью
Тутъ такая тишина,
Такъ ярка въ холодномъ небѣ
Одинокая луна,

Такъ роса блеститъ на сѣрыхъ
Паутинкахъ лебеды,
Что и ночью ясно видны
Имъ знакомые слѣды.

И не только вдоль тропинки
Слышенъ шелестъ рѣзвыхъ ногъ,
Видно, чья перебѣгаетъ
Тѣнь съ порога на порогъ...

Иногда-жъ, на зло имъ, тучи
Такъ туманятъ глушь степей,
Такъ дождитъ, что слышенъ гомонъ
Землю роющихъ ключей;

Такъ тоскливо, что ужъ лучше
Внучки дома не ищи;
Тутъ всю ночь одна старуха
Дрогнетъ, лежа на печи.

Хуторки дрожатъ и жмутся,
Внемля гулу голосовъ,
Вою, свисту, бормотанью
Разгулявшихся вѣтровъ.

Чу! не вѣдьма ли промчалась,
Ухватясь за помело?
Что-то шаркнуло по кровлѣ...
Клокъ соломы унесло.

Не бѣсовъ ли стая скачетъ,
Не телѣга ли стучитъ?
Не жена ли изъ-за Волги
Къ другу милому спѣшитъ?

Хуторки не спятъ и въ страхѣ
Чутко слушаютъ впотьмахъ,
Не слыхать ли ночью крика
Или стука въ воротахъ?!.

1891.

ДИССОНАНСЪ.

Я червь — я богъ.

ДЕРЖАВИНЪ.

Я—чадо природы,
Рабъ жизни и—связанъ судьбой роковою...
А ты, духъ мой, воленъ
Какъ птица, и—мнѣ ли угнать за тобою?!..

Ни ястребъ когтистый,
Ни соколъ не бросятся въ битву съ орлами;
А ты изъ-за мысли
Мучительной вѣчно враждуешь съ богами.

И ласточка, въ страхѣ
Отъ бури, гнѣзда себѣ въ небѣ не лѣпитъ;
А ты—въ небѣ ищешь
Покоя, богами повергнутый въ трепетъ,

Навстрѣчу фантазій
Твоихъ, сочетаніемъ формъ изобильныхъ,
Наяды всплываютъ,
И тѣни встаютъ изъ-подъ камней могильныхъ;—

И рѣзвыя нимфы
Бѣгутъ по лѣсамъ, наготою сверкая;
И бѣсы изъ ада
Грохочатъ, и—ангелы вѣятъ изъ рая;

И умъ твой, въ союзѣ
Съ наукой, дерзаетъ слѣдить за путями
Кометъ—видѣть вихри
На солнцѣ и лавы потокъ подъ ногами.

И нѣтъ ни предѣла
Въ пространствѣ, ни грани въ вѣкахъ отдаленныхъ,
Для смѣлыхъ полетовъ
Твоихъ думъ пытливыхъ и думъ вдохновенныхъ.

Какая темница
Тебѣ помѣшаетъ носиться высоко,
Бесѣдовать съ Богомъ,
И смерти на зло, видѣть путь свой далёко!

За что же меня ты
Такъ мучишь, на цѣпи мои негодуя!..
Какъ чадо природы
Я рабъ:—я покоренъ всему, чѣмъ живу я—

Всему, что люблю я.....
. . . . . .

РОДНИКЪ.

Вдоль рѣки ступай, минуя
Бревна, щебень и тростникъ,
И найдешь ты, возлѣ ивы,
У холма живой родникъ.

Какъ кристаллъ прозрачно-чистый,
Изъ-подъ камня, въ лѣтній зной,
Льется онъ струей сребристой —
Освѣжительной струей.

Тамъ, зимой, въ морозъ, недаромъ,
У рѣки, затертой льдомъ,
Духи вьются легкимъ паромъ
Надъ немолчнымъ родникомъ,—

Лишь ему не страшны бури,—
Ни жестокость холодовъ,
Ни невѣжество людское,
Ни тревоги городовъ:

Онъ одинъ далекъ заразы
Пошлыхъ думъ и злыхъ страстей,
Онъ одинъ, какъ геній, свѣтелъ,
Приходи къ нему и — пей!...

6-го ноября 1891.

ДЕРЕВЕНСКІЙ СОНЪ.

Бабушка-ткачиха —
За станкомъ, а внучка
То прядетъ, то вскочитъ,
Словно бѣлоручка...

Говорятъ, — лѣнива,
Говорятъ, — неряха,
Да за то красива
Молодая пряха.

Ростомъ невеличка,
Только зорки глазки...
Позабыла Груня
Бабушкины сказки...

И читать забыла;
У нея, въ избенкѣ,
Въ хламѣ не отроешь
Ни одной книжонки...

Все-то ей поется,
Дома не сидится,
Грезится подъ утро,
По ночамъ не спится.

И о чемъ ей грезить —
Босоножкѣ съ дѣтства!
Свитка да подушка
Все ея наслѣдство.

Вотъ она въ чуланѣ
Душномъ, въ одиночку —
Разметалась, — видно
Не спалось всю ночку...

Ужъ давно въ деревнѣ
Пѣтухи пропѣли,
И заря ей плечи
Золотитъ сквозь щели.

Чу!.. Свирѣль... Но Груня
Ничего не слышитъ,
Роковая греза
Грудь ея колышетъ.

И не Ваня бѣдный,
Тотъ, кому повадно
Съ ней на посидѣлкахъ
Цѣловаться жадно,

И не поле съ рожью,
И не лѣсъ тотъ дикій,
Гдѣ такъ сладко пахнетъ
Свѣжей земляникой,

И не злого духа
Песій хвостъ и рожки
Снятся на разсвѣтѣ
Нашей босоножкѣ.

Нѣтъ, ей бѣдной снится,
Что она проснулась
На чужой кровати;
Встала,— потянулась,—

Подняла оконце,—
Вытянула шейку,
Увидала солнце,—
Сѣла на скамейку.

Стала прясть, и что же?
Сучитъ не простую,
Не льняную нитку —
Нитку золотую...

Вотъ отводитъ руку,
Распахнулась свитка;
Тянется изъ мочки
Золотая нитка.

Золотомъ повитыхъ
Веретенъ не мало...
И она ихъ мигомъ
Въ тальки размотала...

Бабушка-ткачиха
И ворчать не смѣетъ.
Справила станокъ свой —
Дѣло разумѣетъ...

И челнокъ проворно
Шмыгаетъ недаромъ,—
Ткань ея на солнцѣ
Отливаетъ жаромъ.

И красотка-пряха
Ужъ не та, что прежде,—
Ходитъ точно пава
Въ золотой одеждѣ.

Вышла за ворота
Поздно, утромъ знойнымъ,
И глядитъ на избы
Съ чувствомъ безпокойнымъ...

Вотъ и Ваня бѣдный,
Что ее намедни
Такъ ласкалъ, должно быть
Собрался къ обѣдни...

Крестить лобъ свой, — смотритъ:
— Груня!! ты ли это?!
Нѣтъ ему отвѣта,
Нѣтъ ему привѣта...

Вся она сіяетъ
Гордою улыбкой;
Дескать за крестьянку
Не прими ошибкой...

Дескать и не думай...
И не жди... Любила,
Такъ и не зѣвалъ бы...
Мало ли что было!

И ничуть не горько
Мнѣ съ тобой разстаться;
Не горюй! съ другою
Можешь повѣнчаться...

И хорошъ, и складенъ
Сонъ, да видно тонокъ —
Порвался, и Груня
Слушаетъ съ просонокъ:

Бабушка по сѣнцамъ
Ходитъ и хлопочетъ:
— Грунька! Встань. Гдѣ ведра!..
Нѣтъ воды... бормочетъ.

— Да нельзя ли щепокъ
Раздобыть... Неряха!..
Соня!.. И очнулась
Молодая пряха.

Боль глухой досады
Ей больнѣй занозы;
На ея глазенкахъ
Навернулись слезы...

Но съ тѣхъ поръ, невольно,
Точно сонъ былъ въ руку,
Все ей предвѣщаетъ
Скорую разлуку

И съ ея буренкой,
И съ ея избушкой,
И съ неугомонной
Бабушкой-старушкой.

Ее въ городъ манятъ —
Ее городъ тянетъ. —
Горе ей несчастной!
Сонъ её обманетъ...

Августъ, 1891.

* * *

Вотъ и ночь... Къ ея порогу
Онъ пришелъ, едва дыша,
Утомился ли онъ медля?
Опоздалъ ли онъ спѣша?..

Сѣлъ, и шляпу снялъ, и блѣдный,
Къ ней наверхъ въ окно глядитъ,
И, прислушиваясь,— тихо,
Точно бредитъ, говоритъ:

— Милый ангелъ! Будь покойна —
Я къ тебѣ не постучусь...
Вижу свѣтъ твоей лампады
И... безумствую — молюсь...

За тебя ли, за себя ли
Я молюсь, не знаю самъ.—
Ни глазамъ твоимъ не вѣрю,
Ни лампадѣ, ни звѣздамъ.

*

Вѣдь онѣ — всѣ эти звѣзды,
Какъ и твой небесный взглядъ,
И горятъ, и въ душу смотрятъ
И неправду говорятъ,

Вѣдь онѣ — всѣ эти звѣзды
Никогда не скажутъ мнѣ,
Кто сейчасъ твою лампаду
Погасилъ, мелькнувъ въ окнѣ.

Или это промелькнуло
Отраженіе луны?..
Или это — грёза ночи,
Шорохъ знойной тишины?

Или это — у забора
Вѣтерокъ шуршитъ листвой?
Нѣтъ!.. Я слышу смѣхъ влюбленныхъ
Надъ моей смѣшной слезой.

И какъ тѣнь, съ ея порога
Поднялся онъ, чуть дыша...
Утомился ли онъ медля,
Опоздалъ ли онъ спѣша?...

МОНОЛОГЪ.

У природы—никакой цѣли, и если она есть—то единственная—быть познанной человѣкомъ и всецѣло имъ отраженной...

ГАСТОНЪ ПАРИ.

Гдѣ правда, гдѣ любовь и вы, святыя грёзы!
Природа ли мнѣ дастъ все то, что ей самой
Отъ вѣка не дано? Не я-ль, въ борьбѣ съ глухой
Ея средой, таю въ груди то страхъ, то слезы?—
А ей не все-ль равно, что мракъ, что Божій свѣтъ,
Что зло, что благо, и—страдаю-ль я иль нѣтъ!..

Природа!.. Но—она-ль меня одушевляла?—
Не самъ ли я ее всю жизнь одушевлялъ?
Не я ли цвѣтъ и звукъ, и красоту ей далъ,
Досоздавая все, что ей недоставало.
Я вѣрилъ въ небеса и—жилъ среди чудесъ.
Допрашивалъ—искалъ и—не нашелъ небесъ:

Неслись въ ночи одни пылающіе комья —
Разрозненныхъ міровъ сплотившійся хаосъ;
И падали, какъ дождь, обломки ихъ; неслось
И ты, мое гнѣздо — земля, и былъ влекомъ я
Надъ бездной вѣчности, куда, какъ старый хламъ,
Валилось все... вѣка — ихъ блескъ и ѳиміамъ.

И времени потокъ смывалъ народы, — троны,
И гасли алтари и — воздымался прахъ;
Отчаянье одно на сумрачныхъ крылахъ
Неслось навстрѣчу мнѣ, крича: всему законы...
Природа властвуетъ... но у природы нѣтъ
Началъ твоихъ, она — конецъ твоихъ суетъ.

Вздохнетъ ли океанъ по орнаментамъ зданій,
Которые въ потопъ слизнетъ онъ? Выси горъ
Вздохнутъ ли, если чернь подпишетъ приговоръ
Смертельный генію, чтобъ лучшихъ упованій
Лишить твой бѣдный умъ? И — если не спасетъ
Ничто твоей души — природа ли вздохнетъ?

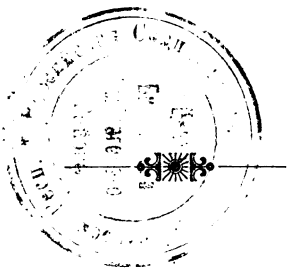
Поэтъ — ожесточись...:
Но если вдохновенье
И жажда истины, и этотъ самый вздохъ
Даны мнѣ ни слѣпой природой — живъ мой Богъ!
Онъ — тайна и глаголъ, любовь и обновленье,
Отрада немощныхъ и сила — сознавать
Весь міръ такимъ, чтобъ пѣть — и лучшаго желать.

БОРЦУ.

Какъ въ Бога, въ человѣка вѣря,
Прощаешь ты полузвѣрямъ,
Лишь потому, что видишь самъ
Въ себѣ такого-жъ полузвѣря...
Но ты рожденъ съ душой борца—
Ты знаешь хищниковъ породу,
И радъ, въ народную невзгоду,
Бороться съ ними до конца...
За личной, злостною обидой
Ты не погонишься, когда
Здѣсь слышенъ крикъ: спаси, не выдай!
А тамъ... мы гибнетъ безъ труда...
Подайте хлѣба!.. Вѣдь покуда
Не грянетъ свыше Божій громъ,
Нашъ доморощенный Іуда
Не осѣнитъ себя крестомъ...
Борецъ неправду раздражаетъ
Тѣмъ, что неправдой раздраженъ,
И ни на шагъ не отступаетъ,
И торгашамъ онъ не прощаетъ

Бичомъ Христа вооруженъ...
Хвала тебѣ! ты честный воинъ...
Но за тебя я непокоенъ.
У хищника, и когти есть,
И зубы—клевета и месть...
Но лучше пасть въ борьбѣ неравной
Чѣмъ у Мамона быть рабомъ,
Иль пировать въ семьѣ безславной
Проныръ, что въ холѣ и теплѣ
Кишатъ, грозя родной землѣ...

1892.



1892 C.1
zhdaiushchikhs
Jniversity Libraries
035 769 798

PG
3337
.P72.L4
1892

) UNIVERSITY LIBRARIES
FORD, CALIFORNIA
94305